

КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА ШКОЛ ПОДГОТОВКИ ПРАПОРЩИКОВ СИБИРИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье реконструируются основные элементы корпоративной культуры школ подготовки прапорщиков Сибири (Омск, Иркутск) в годы Первой мировой войны. Используя метод историко-сравнительного анализа, автор сопоставляет элементы корпоративной культуры сибирских школ с другими школами подготовки прапорщиков пехоты, существовавшими на территории Российской империи. В результате проведенного исследования было установлено, что корпоративная культура школ подготовки прапорщиков Сибири содержала следующие основные элементы: школьные праздники, нагрудные знаки об окончании школы, инструкции и исторические памятки для обучающихся, нормы этикета. Основными трудностями при подготовке военнослужащих в школах прапорщиков являлись краткосрочность обучения и низкий культурный уровень «абитуриентов». Они не позволяли добиться тех же высоких результатов в подготовке военных кадров, как и у выпускников военных училищ и кадетских корпусов.

Ключевые слова: Российская империя, вооруженные силы, корпоративная культура, школы подготовки прапорщиков, Первая мировая война, Омск, Иркутск.

Любое профессиональное сообщество обладает своей корпоративной культурой. Она включает в себя всю совокупность материальных и духовных ценностей, присущих ему. И такие чрезвычайные военно-учебные заведения, как школы подготовки прапорщиков, которые возникли в Русской императорской армии в годы Первой мировой войны, не являются исключением. Корпоративная культура проявлялась здесь в моделях поведения обучающихся, этике их взаимодействия с внутренней и внешней средой, в корпоративных традициях, символике, праздниках и т.п.

Считается, что само понятие «корпоративная культура» применительно к военным впервые употребил в XIX в. немецкий военный теоретик генерал-фельдмаршал Хельмут фон Мольтке для описания взаимоотношений в военной среде, которые *de facto* регулировались не только посредством законов и предписаний, но и целым набором негласных, но общепринятых правил.

Если обратиться к историографии вопроса, то здесь целесообразно упомянуть следующих авторов.

В. Д. Аброськина, рассматривая корпоративную культуру в целом, понимает под ней сложившиеся традиции и руководящие принципы, которые существуют в каждой организации [1].

А. А. Ведерников и Т. В. Сидорина в соавторстве в своих публикациях под корпоративной культурой понимают совокупность идей, ценностей, общепризнанных моделей и норм поведения, присущих конкретной организации; это совместный опыт членов

организации, формирующийся в ходе коллективной деятельности и выраженный как материальными, так и духовными формами [2–4].

А. В. Бочкарев и В. Д. Ширшов, также в соавторстве, обращаясь к корпоративной культуре уже непосредственно российского офицера, дают ей следующее определение: это «культурное пространство Вооруженных Сил Российской Федерации, выражающееся в наборе ценностей, правил и норм поведения и общения между офицерами, принимаемое всеми независимо от званий и должностей и направленное на военную защиту государственных интересов» [5, с. 44–45].

Т. В. Федорова отмечает, что корпоративность в офицерской среде — это прежде всего понятие о личной чести [6].

Целью данного исследования является реконструкция элементов корпоративной культуры школ подготовки прапорщиков Сибири (на примерах 1-й и 2-й Омских и 1-й, 2-й и 3-й Иркутских школ).

Источниковая база исследования — это фонды Российского государственного военно-исторического архива (Ф. 1450 «Штаб Омского военного округа»); Государственного исторического архива Омской области (Ф. 197 «1-я Омская школа прапорщиков Военного ведомства»; Ф. Р-1503 «Омский военно-окружной комитет Омского военного округа»; справочно-информационный фонд); фонд редкой книги Центра книжных памятников Омской государственной областной библиотеки им. А. С. Пушкина; опубликованные воспоминания бывшего обучающегося 1-й Омской школы под-

готовки прапорщиков пехоты Д. К. Овсянкина, а также офицера 4-й Московской школы подготовки прапорщик пехоты А. Г. Невзорова; историческая памятка Владикавказской (бывшей 2-й Тифлисской) школы подготовки прапорщиков пехоты; инструкция для обучающихся 1-й Казанской школы подготовки прапорщиков пехоты.

Проблема, к которой мы хотим обратиться в исследовании, — это опыт формирования корпоративной культуры. Методологической базой исследования будут являться системный, историко-сравнительный и описательно-повествовательный методы.

Как справедливо отмечает А. В. Бочкарев, корпоративную культуру офицерского корпуса России следует рассматривать как часть общей культуры человека [5, с. 45]. И вот здесь-то у школ подготовки прапорщиков были серьезные проблемы.

Возникнув в годы войны как чрезвычайные военные учебные заведения, призванные в кратчайшее время восполнить редующие ряды младшего офицерского состава, они были вынуждены набирать малообразованный контингент. «Всех добровольцев и мобилизованных с высшим и средним образованием распределяли в основном в военные училища. Школам прапорщиков доставались «четыреклассники, с грехом пополам добившиеся свидетельства вольноопределяющихся 2[-]го разряда». Но и этот контингент с каждым набором заметно ухудшался. Оставлял желать лучшего культурный уровень поступающих. Становилось трудным «привить к ним общепринятые в офицерской среде привычки» [7, с. 82]. Общепринято, что среди учеников этих школ преобладали мещане и крестьяне [8, с. 272]. Разумеется, это не говорит об отсутствии культуры, а только об ее специфичности, на основе которой было сложно создать особый тип корпоративной культуры (военной), который традиционно существовал в российских военных училищах и кадетских корпусах на рубеже XIX — XX вв.

Что касается 1-й и 2-й Омских, 1-й, 2-й и 3-й Иркутских школ подготовки прапорщиков пехоты, то в них практически отсутствовали лица, которые ранее окончили бы кадетские корпуса, в частности 1-й Сибирский императора Александра I и Иркутский, в которых давалась основная «закваска». Например, за годы Первой мировой войны только два человека — Ф. И. Шитов и В. Б. Оссовский — окончив 1-й Сибирский кадетский корпус в Омске, поступили в 1-ю Омскую школу подготовки прапорщиков пехоты [9, л. 68 об.; 10, с. 291]. Ситуация с 1-й, 2-й и 3-й Иркутскими школами подготовки прапорщиков пехоты была однотипной.

Вопрос о социальном происхождении переменного состава 1-й и 2-й Омских, 1-й, 2-й и 3-й Иркутских школ подготовки прапорщиков пехоты, как было отмечено выше, имеет исключительное значение для формирования корпоративной культуры.

С. В. Волков в монографии «На углях великого пожара», основываясь на анализе социального происхождения части обучающихся четвертого набора 1-й Омской школы подготовки прапорщиков пехоты (выпуск состоялся 17 января 1917 г.), приводит следующую информацию: обучающихся из дворян — 9 человек; офицеров и чиновников — 8 человек; почетных граждан — 5 человек; духовенства — 4 человека; купцов — 3 человека; казаков — 10 человек; мещан — 68 человек; крестьян — 94 человека [11, с. 53, 54]. В. Л. Кожевин, ссылаясь на данные исполкома Западно-Сибирского Совета крестьянских

депутатов в отношении пятого, последнего, набора 2-й Омской школы подготовки прапорщиков пехоты, указывает, что он на 80 % состоял из крестьян, а из 404 человек, назначенных к производству 10 ноября 1917 г. в чин субалтерн-офицера (прапорщика), 31 человек являлся «фронтовиком» [12, с. 73].

Таким образом, мы видим преобладание в первую очередь крестьян в переменном составе, по крайней мере, 1-й и 2-й Омских школ подготовки прапорщиков пехоты. Все это говорит о совершенно новом контингенте, которому следовало привить корпоративную военную культуру.

Кроме того, как показывают данные исполкома Западно-Сибирского Совета крестьянских депутатов, приведенные В. Л. Кожевным, а также делопроизводственные документы, значительное число обучающихся имело фронтовой опыт [9, л. 68 — 71, 79 — 82 об.; 13 — 20, л. 219 — 224 об.]. Это в совокупности с выводами предыдущего абзаца говорит о том, что не только культурный уровень основной части обучающихся в силу их социального происхождения, а, пожалуй, еще в большей степени приобретенный ими фронтовой опыт не располагали к возникновению и устойчивому существованию характерных для дореволюционной военной культуры традиций и норм. Действительно, сомнительно, что человек, прошедший несколько месяцев в условиях фронта, стал бы, находясь в учебном коллективе, заниматься такими, на первый взгляд, пустяками, как сочинением школьного фольклора, в частности легендарной «Звериады».

Кроме этого, в формировании корпоративной культуры большую роль играла кратковременность существования этих военно-учебных заведений. Например, положение Военного совета об открытии 1-й Иркутской школы подготовки прапорщиков пехоты при 2-й Сибирской стрелковой запасной бригаде было ВЫСОЧАЙШЕ утверждено 4 декабря 1914 г. [21]. То есть школа просуществовала три года. 1-я Омская школа подготовки прапорщиков пехоты была открыта 12 ноября 1915 г., а расформирована не позднее конца октября 1917 г., сделав последний выпуск 16 октября. Итого школа просуществовала почти два года [22, с. 1; 23]. За такой отрезок времени эти военно-учебные заведения не могли накопить устойчивый запас соответствующих традиций, которые играли бы свою роль в формировании корпоративной культуры обучающихся. А им, в свою очередь, было трудно поддерживать честь и традиции своей школы не только потому, что их, в сущности, не было (на это уходят многие годы), но и в силу, как это было уже сказано, их недостаточного образовательного и культурного уровня. Краткосрочность учебного курса — три, четыре, восемь месяцев — также не способствовала укоренению традиций школ.

И, тем не менее, отдельные внешние элементы корпоративной культуры, которая во многом основывалась на традициях, фольклоре, существовали не только в 1-й и 2-й Омских и 1-й, 2-й и 3-й Иркутских школах подготовки прапорщиков в частности, но и во всем типе военно-учебных заведений в целом.

Например, известно, что в школах издавались собственные исторические памятки, как это было, например, в случае с Владикавказской (бывшей 2-й Тифлисской) школой подготовки прапорщиков пехоты [24]. Или в инструкциях для обучающихся, которые были практически в каждой школе под-

готовки прапорщиков, мог существовать раздел с краткой историей школы, как это было, например, в случае с 1-й Казанской школой подготовки прапорщиков пехоты и т.д. [25]. Нам неизвестно о существовании подобных изданий в стенах иркутских школ, а имеющаяся в наличии Инструкция для юнкеров Омских школ подготовки прапорщиков пехоты, относящаяся к лету 1917 г., не содержит этого раздела [26]. Тем не менее, если провести аналогию, можно предположить, что они были и здесь.

Другим проявлением корпоративной культуры в школах подготовки прапорщиков Сибири являлись школьные и ротные праздники. Так, школьный праздник Владикавказской школы подготовки прапорщиков пехоты отмечался 23 ноября. «Св. Благоверного Великого Князя Александра Невского, этот день избран, как день Ангела Величайшего Русского полководца Генералиссимуса Князя Итальянского Графа А. В. Суворова-Рымнического (пунктуация и орфография источника. — А. С.)» [24, с. 4]. Ротный праздник 1-й роты школа отмечала 23 апреля, в день Св. Великомученика Георгия Победоносца; 2-й роты — 15 июля, в день Св. равноапостольного князя Владимира [24, с. 4]. Очевидно, что наличие этих праздников в стенах школ подготовки прапорщиков способствовало укреплению корпоративной культуры, в частности укрепляло религиозные и верноподданнические настроения учащихся.

Другим проявлением корпоративной культуры, уже официально исходившим «свыше», стал Высочайше установленный 13 октября 1916 г. особый, общий для всех нагрудный знак «в целях объединения в одну общую семью бывших питомцев и чинов школ подготовки прапорщиков пехоты (кроме школ, комплектуемых воспитанниками высших учебных заведений, в Сибири — 2-я Иркутская школа подготовки прапорщиков пехоты. — А. С.) и для установления наружной корпоративной связи оканчивающих эти школы со своими предшественниками, начальствующими лицами и преподавателями наук» (рис. 1) [27].

Прививались обучающимся и более непосредственные, прагматичные ценности и установки, корпоративный этикет. Например, традиционно в офицерской среде считалось недопустимым доноительство и, наоборот, всячески поддерживалось и поощрялось чувство товарищества. Д. К. Овсянкин, который весной 1917 г. являлся юнкером 1-й Омской школы подготовки прапорщиков пехоты, в своих воспоминаниях приводит такой эпизод из жизни школы:

«Маленьким, но чрезвычайно вредным и опасным зверюгой в школе был прапорщик Паскуда, полностью оправдывавший поведением свою фамилию. Только в конце курса выяснилось, из каких источников начальство получало сведения об интимных разговорах юнкеров. Узнали, что прапорщик организовал шпионаж и аккуратно докладывал начальству о нашей внутренней жизни. Из-за него многие попали на фронт, не окончив курса.

В день выпуска кто-то из новоиспеченных прапорщиков ткнул-таки шашкой меж ребер Паскуде, видимо, из мести за пострадавшего товарища» [28, с. 51, 52].

Действительно, юнкер с такой неблагозвучной фамилией Василий Паскуда окончил 1-ю Омскую школу подготовки прапорщиков пехоты 17 января 1917 г. и, судя по всему, после ее окончания на несколько месяцев был оставлен при школе в качестве помощника курсовых офицеров [16].

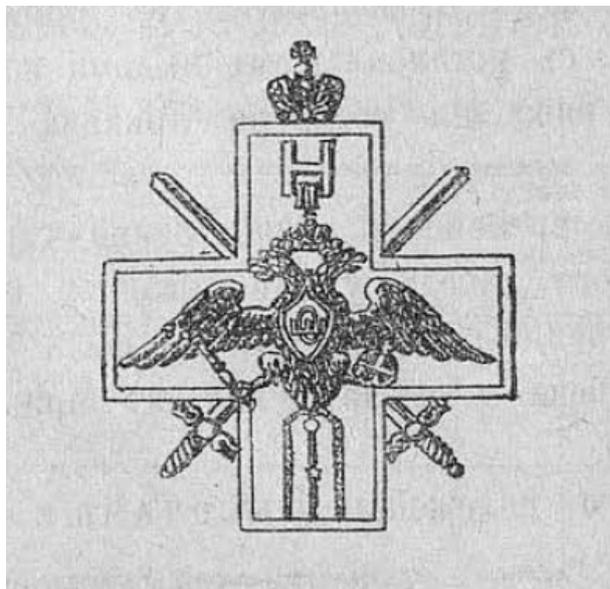


Рис. 1. Рисунок нагрудного знака об окончании школы подготовки прапорщиков пехоты, комплектуемой на общих основаниях (Источник: Приказ по Военному ведомству № 586 от 26 октября 1916 г.)

Как известно, непростые взаимоотношения военных с миром штатских поддерживались в школах подготовки прапорщиков Сибири на командном уровне. Тот же Д. К. Овсянкин вспоминает: «Уроки "хорошего тона" преподавал командир второй роты подполковник [Николай Иннокентьевич] Андреев, служивший прежде воспитателем в кадетском корпусе. Этот рыжеусый чахоточный офицер так получал блюсти честь офицерского мундира: "Если вы, господа, в общественном месте или вообще среди публики заметите по своему адресу насмешливую улыбку, проявление неуважение к мундиру со стороны штатского, то вынимайте шашку и кройте его по черепу!" При этом Андреев угрожающе хмурил брови и взмахивал правой рукой, как бы рубил голову ненавистному штатскому, позволившему себе улыбнуться в присутствии офицера» [28, с. 51].

К корпоративному этикету, который культивировался в стенах школ, также можно отнести обязательное обращение к обучающимся на «вы» как признак корпорации [29]. Кроме того, Инструкция для юнкеров Омских школ подготовки прапорщиков пехоты, относящаяся к лету 1917 г., оговаривала, что «во время отпуска юнкера особенно должны дорожить честью школы, охраняя ее где бы они ни находились, отличаясь корректностью, вежливостью, предусмотрительностью и тактичностью, помня всегда, что лучшим украшением юнкера[-] гражданина является скромность» [26, л. 45 об.]. Согласно Инструкции для обучающихся 1-й Омской школы прапорщиков, которая относилась к первой половине 1916 г., в Омске для них были под запретом многие публичные места, что можно трактовать не только как ущемленность прав обучающихся как нижних чинов, которыми они все еще являлись, но и как заботу начальства о чести офицерского мундира, когда соприкосновение с миром штатских могло повлечь за собой конфликтную ситуацию [9, л. 109 об.; 30, с. 56].

Ответ на актуальный вопрос привития корпоративной культуры, в частности в отношении мировоззрения «абитуриентов», когда в ситуации

мировой войны резко увеличилась численность офицерского корпуса за счет так называемых «демократических» слоев российского социума, дают как источники, так и исследовательская литература.

Например, А. Г. Невзоров, в 1916–1917 гг. бывший ротным командиром 4-й Московской школы подготовки прапорщиков пехоты, отмечает, что «хотя курс школы продолжался всего лишь четыре месяца, но молодежь, туда поступавшая, иногда с левым уклоном мышления, пробыв в школе 4 месяца и надев погоны прапорщика, делалась офицерами по своим взглядам» [31, с. 192]. «Армейский "котел", — пишет В. Л. Кожевин, — довольно легко переваривал и изменял сознание новоиспеченных офицеров, заставляя их быстро воспринимать корпоративные ценности, нормы и стереотипы поведения» [30, с. 256]. Представляется, что эта ситуация была типичной и для школ прапорщиков Сибири, то есть «абитуриенты» под воздействием вышеперечисленных, а также других факторов, быстро становились адептами новой для них корпоративной культуры учебного коллектива.

Отдельным заключительным сюжетом в вопросе корпоративной культуры может быть болезненный вопрос неуставных отношений между обучающимися, а применительно к началу XX в. так называемый «цук».

Источники умалчивают об этом явлении в жизни обучающихся как 1-й и 2-й Омских школ подготовки прапорщиков пехоты, так и 1-й, 2-й и 3-й Иркутских школ. Но наличие «дедовщины» в стенах школ подготовки прапорщиков Сибири тем более вероятно, что если в омских школах отсутствовало деление на старший и младший курсы, то есть для проявления «дедовщины», казалось бы, не было условий, то в иркутских школах младший курс обучался наряду со старшим, что видно из частотности выпусков, которые делали эти школы [32, с. 41, 42]. И здесь небезынтересно, что отделенные и взводные унтер-офицеры, а также фельдфебели рот и прочие должностные чины школы не являлись так называемыми «старослужащими», а назначались из числа вновь командированных в школу [25, с. 18].

Как же можно трактовать «цук» в условиях школы подготовки прапорщиков? «Если все же попытаться определить функциональную нагрузку этой культурной формы, — отмечает В. Л. Кожевин, — то окажется, что она выступала в качестве свидетельства и подтверждения причастности индивида или группы к кадетскому или юнкерскому коллективу — и шире — к офицерскому сообществу, армии, государству. Одновременно неформальное поведение, когда оно по-своему имитировало военные порядки и воспроизводило иерархические отношения, присущие армии как авторитарной структуре, оказывалось на деле способом ранней социализации мальчиков и юношей, моделировавших в игровом варианте действия, реальные предпосылки которых, например, статус офицера и жизнь в полку в таком качестве, пока еще отсутствовали» [30, с. 26].

Таким образом, подводя итог данному исследованию, мы можем заключить, что в школах подготовки прапорщиков обращалось внимание на привитие обучающимся элементов военной корпоративной культуры, но низкий культурный уровень «абитуриентов», краткосрочность их обучения и т.д. не позволяли добиться тех же результатов, что и у выпускников военных училищ и кадетских корпусов.

Среди форм, способствующих привитию корпоративной культуры и интеграции обучающихся в военную среду, можно назвать:

- школьные праздники, как в военных училищах — училищные, а в полках — полковые;
- инструкции и исторические памятки для обучающихся, которые являлись для обучающихся основополагающим источником правил общежития. Соблюдая эти правила, знакомясь с историей школы, обучающийся становился частью корпорации, увеличивалась его самооценка;
- нагрудные знаки об окончании школы, которые являлись внешним признаком сопричастности к организации;
- нормы этикета, которые широко использовались в работе школ подготовки прапорщиков.

Библиографический список

1. Аброськина В. Д. Оценка корпоративной культуры и ее влияние на деятельность предприятий // Актуальные вопросы экономики и управления: материалы II Междунар. науч. конф., октябрь 2013 г. Москва, 2013. С. 106–108.
2. Ведерников А. А., Сидорина Т. В. Корпоративная культура военной организации // Направления и перспективы развития образования в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации: сб. науч. ст. IX Межвузовской науч.-практ. конф. с междунар. участием. В 3 ч. Новосибирск, 2018. Ч. 3. С. 273–278. ISBN 978-5-906431-70-7.
3. Ведерников А. А., Сидорина Т. В. Корпоративизм военной организации // Психолого-педагогические аспекты совершенствования подготовки студентов вуза: материалы межвуз. студ. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Новосибирск, 2020. Ч. 1. С. 34–37.
4. Ведерников А. А., Сидорина Т. В. Военный корпоративизм как показатель сформированности корпоративной культуры военной организации // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы XVIII Междунар. науч.-практ. конф. В 2 ч. Барнаул, 2020. Ч. 2. С. 90–92.
5. Бочкарев А. В., Ширшов В. Д. Корпоративная культура российского офицера // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования: материалы XII Междунар. конф. В 5 ч. Екатеринбург, 2009. Ч. 1. С. 42–44.
6. Федорова Т. В. Система корпоративных отношений как фактор формирования личности офицера (на материалах Восточно-Сибирского военного округа второй половины XIX — начала XX в.) // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, политология. 2010. № 4/2 (68). С. 233–236.
7. Марыняк А. В. Инспекционные поездки по военно-учебным заведениям генерал-майора Б. В. Адамовича в 1915–1916 гг. // Военно-исторические исследования в Поволжье: сб. науч. тр. 2006. Вып. 7. С. 82–92.
8. Волков С. В. Русский офицерский корпус. Москва: Воениздат, 1993. 368 с.
9. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 197. Оп. 1. Д. 1.
10. Петин Д. И. Всеволод Оссовский: бывший белый офицер в Советской России // Вестник архивиста. 2015. № 3. С. 288–306.
11. Волков С. В. На углях великого пожара. Москва: Молодая гвардия, 1990. 238 с.
12. Кожевин В. Л. К истокам гражданской войны в Сибири: политические позиции юнкеров омских школ прапорщиков в 1917 году // Гражданские войны. Политические кризисы. Внутренние конфликты. История и современность: материалы Всерос. науч.-методолог. конф. учителей и работ-

ников Высшей школы, г. Омск, 17–18 декабря 1998 г. Омск: ОмИПКРО, 1998. С. 71–83.

13. Приказ войскам Омского военного округа № 296 от 27 мая 1916 г.

14. Приказ войскам Омского военного округа № 520 от 10 сентября 1916 г.

15. Приказ войскам Омского военного округа № 589 от 4 октября 1916 г.

16. Приказ войскам Омского военного округа № 37 от 17 января 1917 г.

17. Приказ армии и флоту о военных чинах сухопутного ведомства от 27 апреля 1917 г.

18. Приказ войскам Омского военного округа № 325 от 7 июня 1917 г.

19. Приказ войскам Омского военного округа № 378 от 27 июня 1917 г.

20. ГИАОО. Ф. Р-1503. Оп. 2. Д. 1.

21. Приказ по войскам Иркутского военного округа № 544 от 15 декабря 1914 г.

22. Омский вестник. 1915. 12 ноября.

23. Приказ войскам Омского военного округа № 681 от 16 октября 1917 г.

24. Историческая памятка Владикавказской школы прапорщиков. Владикавказ: [б. и.], 1917. 41 с.

25. Инструкция 1-й Казанской школы подготовки прапорщиков пехоты. Казань: лито-типография «Умид», б. Харитоновна, 1917. 56 с.

26. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1450. Оп. 4. Д. 14.

27. Приказ по Военному ведомству № 586 от 26 октября 1916 г.

28. Овсянкин Д. К. Из белого кольца: записки офицера по особым поручениям. Пермь: Издат. дом Пресс-тайм, 2007. 528 с. ISBN 978-5-98975-169-3.

29. Приказ по Военному ведомству № 82 от 13 февраля 1916 г.

30. Кожевин В. Л. Российское офицерство и Февральский революционный взрыв. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. 260 с.

31. Невзоров А. Г. 4-я Московская школа прапорщиков // Сопrotивление большевизму. 1917–1918 гг. Москва: Центрполиграф, 2001. 606 с.

32. Волков С. В. Выпуск офицеров из военных училищ и школ прапорщиков в годы Первой мировой войны (анализ количественных данных) // Вестник Православного Свято-Тихоновского университета. 2014. Вып. 5 (60). С. 34–45. DOI: 10.15382/stur11201460.34-45.

САБЛИН Александр Юрьевич, соискатель по кафедре отечественной истории и политологии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского; лаборант кафедры философии, истории, экономической теории и права Омского государственного аграрного университета им. П. А. Столыпина. SPIN-код: 9733-5027

AuthorID (РИНЦ): 1044122

Адрес для переписки: alsablin2014@yandex.ru

Для цитирования

Саблин А. Ю. Корпоративная культура школ подготовки прапорщиков Сибири в годы Первой мировой войны // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2021. Т. 6, № 4. С. 47–53. DOI: 10.25206/2542-0488-2021-6-4-47-53.

Статья поступила в редакцию 21.06.2021 г.

© А. Ю. Саблин

CORPORATE CULTURE OF SIBERIAN WARRANT OFFICERS TRAINING SCHOOLS DURING FIRST WORLD WAR

This article is an attempt to reconstruct the elements of the corporate culture of the schools for training warrant officers in Siberia (Omsk, Irkutsk) during the First World War. Any corporate culture is the foundation of society. The absence of this foundation is one of the reasons for the atomization of society — social disunity, which is expressed in a significant decrease in trust between people, the loss of the skills of collective problem solving and collective interaction. From this point of view, corporate culture is a means of stabilizing society. Therefore, it is necessary to study the positive and negative aspects of corporate culture. The materials of the 1st Kazan and Vladikavkaz (2nd Tiflis) schools for the training of infantry warrant officers are used in the work. As a result of the study, it is found that the corporate culture of the schools for the training of warrant officers in Siberia (Omsk, Irkutsk) included such elements as school holidays, school graduation badges, instructions and historical memos for students, norms of etiquette, etc.

Keywords: Russian Empire, armed forces, corporate culture, warrant officers training schools, World War I, Omsk, Irkutsk.

References

1. Abros'kina V. D. Otsenka korporativnoy kul'tury i ee vliyaniye na deyatel'nost' predpriyatiy [Assessment of corporate culture and its impact on the activities of enterprises] // Aktual'nyye voprosy ekonomiki i upravleniya. *Aktual'nyye Voprosy Ekonomiki i Upravleniya*. Moscow, 2013. P. 106–108. (In Russ.).
2. Vedernikov A. A., Sidorina T. V. Korporativnaya kul'tura voyennoy organizatsii [The corporate culture of the military organization] // *Napravleniya i Perspektivy Razvitiya Obrazovaniya v Voyennykh Institutakh Voysk Natsional'noy Gvardii Rossiyskoy Federatsii*. *Napravleniya i Perspektivy Razvitiya Obrazovaniya v Voyennykh Institutakh Voysk Natsional'noy Gvardii Rossiyskoy Federatsii*. In 3 Parts. Novosibirsk, 2018. Part 3. P. 273–278. (In Russ.).
3. Vedernikov A. A., Sidorina T. V. Korporativizm voyennoy organizatsii [Military organization corporatism] // *Psikhologo-pedagogicheskiye aspekty sovershenstvovaniya podgotovki studentov vuza. Psikhologo-pedagogicheskiye Aspekty Sovershenstvovaniya Podgotovki Studentov Vuza*. Novosibirsk, 2020. Part 1. P. 34–37. (In Russ.).
4. Vedernikov A. A., Sidorina T. V. Voyenny korporativizm kak pokazatel' sformirovannosti korporativnoy kul'tury voyennoy organizatsii [Military corporatism as an indicator of the formation of the corporate culture of a military organization] // *Aktual'nyye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami. Aktual'nyye Problemy Bor'by s Prestupleniyami i Inymi Pravonarusheniyami*. In 2 Parts. Barnaul, 2020. Part 2. P. 90–92. (In Russ.).
5. Bochkarev A. V., Shirshov V. D. Korporativnaya kul'tura rossiyskogo ofitsera [Corporate culture of a Russian officer] // *Kul'tura, lichnost', obshchestvo v Sovremennom Mire*. In 5 Parts. Ekaterinburg, 2009. Part 1. P. 42–44. (In Russ.).
6. Fedorova T. V. Sistema korporativnykh otnosheniy kak faktor formirovaniya lichnosti ofitsera (na materialakh Vostochnosibirskogo voyennogo okruga vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.) [System of corporative relations as a factor to form personality of the officer (on materials of east-siberian military district in the second half of XIXth–the beginning of XXth century)] // *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, politologiya. Izvestiya of Altai State University. Series: Historical and Political Sciences*. 2010. No. 4/2 (68). P. 233–236. (In Russ.).
7. Marynyak A. V. Inspektsionnyye poyezdki po voyenno-uchebnym zavedeniyam general-mayora B. V. Adamovicha v 1915–1916 gg. [Inspection trips to military educational institutions of Major General B. V. Adamovich in 1915–1916] // *Voyenno-istoricheskiye issledovaniya v Povolzh'ye. Voyenno-istoricheskiye Issledovaniya v Povolzh'ye*. 2006. Issue 7. P. 82–92. (In Russ.).
8. Volkov S. V. Russkiy ofitserkiy korpus [Russian Officer Corps]. Moscow, 1993. 368 p. (In Russ.).
9. Istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti (IAOO) [Historical Archive of Omsk region (HAOR)]. File: 197/1/1. (In Russ.).
10. Petin D. I. Vsevolod Ossovskiy: byvshiy belyy ofitser v sovetskoy Rossii [Vsevolod Ossowsky: ex-white guard officer in Soviet Russia] // *Vestnik arkhivista. Herald of an Archivist*. 2015. No. 3. P. 288–306. (In Russ.).
11. Volkov S. V. Na uglyakh velikogo pozhara [On the coals of the Great Fire]. Moscow, 1990. 238 p. (In Russ.).
12. Kozhevnikov V. L. K istokam grazhdanskoy voyny v Sibiri: politicheskiye pozitsii yunkerov omskikh shkol praporshchikov v 1917 godu [To the origins of the civil war in Siberia: the political positions of the cadets of the Omsk schools of warrant officers in 1917] // *Grazhdanskiye voyny. Politicheskiye krizisy. Vnutrenniye konflikty. Istoriya i sovremennost'. Grazhdanskiye Voyny. Politicheskiye Krizisy. Vnutrenniye Konflikty. Istoriya i Sovremennost'*. Omsk, 1998. P. 71–83. (In Russ.).

13. Prikaz voyskam Omskogo voyennogo okruga [Order to the troops of the Omsk military department]. No. 296. May 27, 1916. (In Russ.).
14. Prikaz voyskam Omskogo voyennogo okruga [Order to the troops of the Omsk military department]. No. 520. September 10, 1916. (In Russ.).
15. Prikaz voyskam Omskogo voyennogo okruga [Order to the troops of the Omsk military department]. No. 589. October 4, 1916. (In Russ.).
16. Prikaz voyskam Omskogo voyennogo okruga [Order to the troops of the Omsk military department]. No. 37. January 17, 1917. (In Russ.).
17. Prikaz armii i floty o voyennykh chinakh sukhoputnogo vedomstva [Order of the army and navy on the military ranks of the land department]. April 27, 1917. (In Russ.).
18. Prikaz voyskam Omskogo voyennogo okruga [Order to the troops of the Omsk military department]. No. 325. June 7, 1917. (In Russ.).
19. Prikaz voyskam Omskogo voyennogo okruga [Order to the troops of the Omsk military department]. No. 378. June 27, 1917. (In Russ.).
20. IAOO [HAOR]. File: R-1503/2/1. (In Russ.).
21. Prikaz po voyskam Irkutskogo voyennogo okruga [Order for the troops of the Irkutsk military department]. No. 544. December 15, 1914. (In Russ.).
22. Omskiy vestnik. *Omskiy Vestnik*. 1915. November 12. (In Russ.).
23. Prikaz voyskam Omskogo voyennogo okruga [Order to the troops of the Omsk military department]. No. 681. October 16, 1917. (In Russ.).
24. Istoricheskaya pamyatka Vladikavkazskoy shkoly praporshchikov [Historical memorandum of the Vladikavkaz school of ensigns]. Vladikavkaz [without edition], 1917. 41 p. (In Russ.).
25. Instruktsiya 1-y Kazanskoy shkoly podgotovki praporshchikov pekhoty [Instruction of the 1st Kazan school for training infantry warrant officers]. Kazan, 1917. 56 p. (In Russ.).
26. Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv [Russian State Military Historical Archive]. File: 1450/4/14. (In Russ.).
27. Prikaz po Voyennomu vedomstvu [Order for the War Department]. No. 586. October 26, 1916. (In Russ.).
28. Ovsyankin D. K. Iz belogo kol'tsa: zapiski ofitsera po osobym porucheniyam [From the White Ring: Notes of a Special Assignment Officer]. Permian, 2007. 528 p. (In Russ.).
29. Prikaz po Voyennomu vedomstvu [Order for the War Department]. No. 82. February 13, 1916. (In Russ.).
30. Kozhevnikov V. L. Rossiyskoye ofitserstvo i Fevral'skiy revolyutsionnyy vzryv [Russian officers and the February revolutionary explosion]. Omsk, 2011. 260 p. (In Russ.).
31. Nevzorov A. G. 4-ya Moskovskaya shkola praporshchikov [4th Moscow school of warrant officers] // Soprotivleniye bol'shevizmu. 1917–1918 gg. [Resistance to Bolshevism. 1917–1918]. Moscow, 2001. 606 p. (In Russ.).
32. Volkov S. V. Vypusk ofitserov iz voyennykh uchilishch i shkol praporshchikov v gody Pervoy mirovoy voyny (analiz kolichestvennykh dannykh) [Promotion of officers from military colleges and schools of ensigns in the years of World War I (analysis quantitative data)] // Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo universiteta. *Bulletin of the Orthodox St. Tikhon University*. 2014. Issue 5 (60). P. 34–45. (In Russ.).

SABLIN Aleksandr Yurievich, Post-graduate Student of Russian History and Political Science Department, Dostoevsky Omsk State University; Laboratory Assistant of Philosophy, History, Economic Theory and Law Department, Omsk State Agrarian University named after P. A. Stolypin.
 SPIN-code: 9733-5027
 AuthorID (RSCI): 1044122
 Correspondence address: alsablin2014@yandex.ru

For citations

Sablin A. Yu. Corporate culture of Siberian warrant officers training schools during First World War // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2021. Vol. 6, no. 4. P. 47–53. DOI: 10.25206/2542-0488-2021-6-4-47-53.

Received June 21, 2021.
 © A. Yu. Sablin